

ДЕТЕКТИВ НЕ ДЛЯ
СЛАБОНЕРВНЫХ

ВИКТОР ГЛЕБОВ

СЕРИЙНЫЙ ОТДЕЛ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г53

Разработка серийного оформления *С. Власова*

Глебов, Виктор.
Г53 Нежилец / Виктор Глебов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Серийный отдел. Детектив не для слабоверных).

ISBN 978-5-699-82433-5

Следователь Самсонов работает в отделе серийных убийств. Когда он был еще подростком, маньяк убил его старшую сестру при помощи промышленного утилизатора. Преступник — некий Хоботов — был найден по горячим следам, осужден, а потом прикончен сокамерниками. И вот спустя десять лет после тех трагических событий Самсонову поручают расследование жуткого происшествия: на заброшенном заводе в похожей утилизационной гидравлической машине зверски убита молодая женщина. Самсонов берется за расследование и пытается выяснить, старый это маньяк или новый? Очень скоро «отмороженный» дает о себе знать: он похищает дочь начальника отдела полиции и предлагает Самсонову поиграть в игру «Попробуй найди»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82433-5 © Ежов М., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Черный цвет содержит белый, желтый и прочие.
В Кали же заключены все существа в мире.

Маханирвана-Тантра

Глава 1

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Понедельник, 12 июня

Павел Петрович Башметов, начальник особого отдела РУВД и, стало быть, Самсонова, сидел после окончания рабочего дня у себя в кабинете и курил сигару, специально приобретенную по особому поводу: его дочь Вероника окончила школу.

— Документы решили подать сразу в три вуза, — говорил Башметов, попыхивая сигарой. Окно было распахнуто, и за ним качались на небольшом ветру тонкие ветки яблони. — В Корабелку, Политех и Университет путей сообщения. Баллы у нее высокие, должно хватить. Правда, говорят, что туда берут пацанов в основном. Вот только не очень-то они идут в технические вузы нынче.

Башметов поерзал, поудобнее устраивая массивное тело в кресле. За последние годы он здорово пополнел и, кажется, не собирался останавливаться на достигнутом. С тех пор как Башметова назначили руководителем так называемого «серий-

ного» отдела, жизнь его стала куда как спокойней: в России маньяки водились не в таком количестве, как в США или Южной Америке, что весьма Башметова радовало.

В кабинете присутствовали подчиненные Башметова: опера Рогожин, Морозов и Горелов, следователи Дремин и Коровин. День выдался на редкость жаркий, и все присутствующие изнывали от духоты. Вонь от сигары лишь усугубляла тяжелую атмосферу кабинета, и полицейским больше всего хотелось выбраться на улицу, где по крайней мере ощущалось дуновение ветерка.

Самсонов примостился на подоконнике, вертя в руках пластиковый стакан с безалкогольным шампанским. Он тоже был следователем, но вскоре должен был пойти на повышение — по крайней мере так считал его начальник. У самого Самсонова на этот счет были серьезные сомнения: не столько из-за того, что существовали и другие претенденты, сколько потому, что он не был уверен, что действительно хочет и дальше заниматься полицейской работой. В последнее время маньяки не объявлялись, и Самсонов начал откровенно скучать, даже подумывал подать рапорт о переводе обратно в «убойный» отдел — там по крайней мере отдыхать было некогда.

Почему же он перешел сюда, под начало Башметова? Все дело было в том, что в последнее время дела, которые он вел, казались ему все однообразнее, дни превращались в рутину, и он чувствовал, как постепенно превращается в машину для заполнения отчетов, протоколов и прочих бумажек.

Больше половины дел представляли собой банальнейшую бытовуху, и расследовать там было особо нечего: то мужик спьяну зарежет жену и сам вызовет полицию, то жена огреет неверного супруга сковородой по голове — и опять же вызовет полицию.

Самсонов слишком хорошо помнил, для чего пошел служить в полицию. Перестать болеть душой за свое дело означало для него предать человека, которого он не мог вычеркнуть из своей жизни, несмотря на то что того давно уже не было в живых. И он не хотел тратить время на то, что мог бы сделать каждый мало-мальски обученный следак. Самсонов мечтал вести дела, требующие полной выкладки. И еще он хотел ловить и сажать демонов в человеческом обличье — маскирующихся под людей монстров, не ставящих чужую жизнь ни в грош.

Следователь провел ладонью по короткому ежику светло-русых волос (подстригся он только вчера и еще не привык к новой прическе, хотя Карине она понравилась) и пошевелился на подоконнике, принимая более удобную позу, при этом кобура немного съехала и уперлась во внутреннюю сторону плеча. Полицейский досадливо поморщился и непроизвольно сжал пластиковый стаканчик, едва не выплеснув его содержимое себе на джинсы.

— Я обещал Нике закатить вечеринку, — сказал Башметов, обводя подчиненных добродушным взглядом. — Собственно, практически все готово. Вы все приглашены. Отказов не принимаю.

— Когда торжество-то, Пал Петрович? — спросил весело Дремин.

Он тоже курил, только сигарету, украдкой стряхивая пепел в кадку с фикусом, стоявшую возле двери. У него были выразительные черты лица, короткие черные волосы, торчащие ежиком, и тонкая полоска усов, которые он отрастил совсем недавно, чтобы походить на какого-то актера, от которого была в восторге его жена. Казалось, его единственного не смущали ни жара, ни клубы табачного дыма, расплзающегося по кабинету.

— Завтра в шесть у меня на даче, — ответил Башметов. — Адрес дам. Это недалеко от Павловска.

— Получается, у нас послезавтра выходной? — прищурился Коровин. — А то мы ж не встанем с утра!

— Получается, — кивнул Башметов. — Только, пожалуйста, без экстрима! Я не хочу, чтобы этот день запомнился Нике как пьяный разгул папиных сотрудников.

— Пал Петрович, за кого вы нас принимаете?! — притворно возмутился Дремин. — Мы ж это... малопьющие и высокоморальные!

— Это ты своей бабушке-монашке расскажи! — усмехнулся Башметов. — Ладно, сейчас приказываю р-разойтись, а завтра милости прошу ко мне. С собой можно не приносить, все есть.

— Что, прямо настоящий банкет будет? — поинтересовался Коровин, почесав небритую щеку короткими пальцами. Он был невысоким, крепко сбитым шатеном с широко расставленными серыми глазами. В выражении его лица мелькало

нечто мальчишеское — словно он всегда был готов удивляться новому. Самсонову толковый и исполнительный Коровин был симпатичен, и он был рад, что они работают вместе.

— Ага! — широко улыбнулся Башметов. — Самый что ни на есть натуральный банкет. С фуагрой и этими, как их... канапе! Как в лучших домах, короче.

Опера и следаки начали расходиться. Было уже поздно, солнце висело над крышами домов огненным шаром. Из-под ног вспорхнули тяжелые сытые голуби и перелетели поближе к помойным бакам. Какой-то бомж не торопясь рылся в мусоре, высоко поднимая целлофановые мешки и придирчиво рассматривая их содержимое.

Самсонов вышел вместе с Дреминым.

— Ну что, Валер, — проговорил тот, — завтра будешь на празднике жизни?

— Конечно. Куда ж я денусь?

— С подводной лодки?

— Ага.

— Ладно, давай.

Обменявшись рукопожатиями, они расстались. Дремин сел в белый «Фольксваген», а Самсонов — в свой старенький «Шевроле». Покрутил ручку радио, пытаясь найти подходящую волну. Когда послышалась песня «Guns'n'Roses» — «Knocking on heaven's door», следователь включил зажигание и вырулил со стоянки служебных автомобилей. Влившись в поток, он поехал в церковь — поставить свечку за Марину, свою сестру, много лет назад убитую сумасшедшим, который похитил

ее и перемолол промышленным утилизатором на заброшенном заводе. Оказалось, что для этого ему пришлось специально реанимировать старый станок и заново подвести к нему электричество. Подготовка заняла не меньше недели. Самсонов был убежден, что, если бы его не поймали, он продолжал бы убивать — жестоко и методично. Преступника звали Виктор Хоботов, его прикончили сокамерники в первый же год заключения — не захотели сидеть вместе с убийцей детей. Самсонов жалел лишь о том, что сам в то время был слишком мал и не мог лично схватить преступника. Но в полицию он все равно пошел — чтобы бороться со злом, как бы пафосно это ни звучало. Он никогда никому не говорил о своих мотивах, но всегда знал, что именно желание защитить людей от жестокости таких, как Хоботов, привело его в полицию. Марина была его путеводной звездой, она не позволяла ему схалтурить, пустить что-то на самотек. Самсонов поражал сослуживцев своим рвением, стремлением довести любое расследование до конца. То, что, как правило, ему это удавалось, вызывало уважение. Опера подчинялись ему практически беспрекословно, потому что знали: если он требует, значит, так надо. А раз надо, все равно сделать придется — иначе Самсонов не отстанет.

И вот теперь ему казалось, что он совершил ошибку, перейдя в «серийный» отдел. За все время им довелось раскрыть лишь одно дело, да и оно не заняло много времени и особых усилий не потребовало: какой-то наркоман возомнил себя оборотнем

и подкарауливал в парке женщин, возвращавшихся вечером с работы. Он успел убить троих, перегрызая им горло, пока собственный отец не застучал его дома с окровавленным лицом и не позвонил в полицию. Так что гордиться «серийному» отделу пока было особенно нечем.

Самсонов припарковался возле районной библиотеки и вылез из машины, щурясь от солнца. Достал из нагрудного кармана и надел очки-авиаторы с бледно-голубыми стеклами — подарок Карины.

Церковь была новой, построенной лет десять назад. Она располагалась в саду между двумя шоссе. Чтобы в нее попасть, нужно было пройти через чугунный мостик, на котором стояли дети, кормившие уток. Самсонов на несколько минут задержался, постоял, облокотившись о перила и глядя на воду. Солнце еще не село, хотя едва виделось над крышами домов. На волнах искрились желтые зайчики.

Полицейский взглянул на часы и пошел в церковь. Она еще была открыта, но времени оставалось немного — как раз чтобы поставить свечку и заказать заупокойную. Самсонов размашисто перекрестился перед папертью и вошел в прохладу храма. Тот был небольшой, но уютный. На белых оштукатуренных стенах чинно висели иконы в багетных позолоченных рамах. Перед ними трепетали огоньки свечей и лампад. Пахло воском и ладаном, в дальнем углу перед распятием истово молилась, кладя земные поклоны, закутанная в темно-серое старуха.

Следователь всегда ходил в этот храм с тех пор, как его построили, хотя раньше предпочитал Чесменскую церковь. Ту он помнил с детства — еще когда в ней был музей и родители водили его посмотреть на макеты кораблей и картины, изображавшие знаменитую морскую баталию.

Самсонов снял очки, купил две свечки и поставил одну перед Богородицей Заступницей, а другую — перед Христом. Помолился о Марине и заказал заупокойную.

Из церкви он вышел всего за несколько минут до закрытия. Настроение было паршивым — как всегда в этот день. Сев в машину, Самсонов позвонил родителям — он поступал так каждую годовщину. Они никогда не говорили о Марине, даже не упоминали о ней. Говорили о других, самых обычных вещах, но знали, что делают это в память о ней — как бы собираются вместе, всей семьей. Раньше Самсонов приезжал к родителям домой, но это было слишком тяжело — разговор по телефону был куда лучше.

Через десять минут следователь попрощался с отцом, передал привет матери, завел мотор и поехал домой. По радио звучала песня Бутусова «Титаник», и Самсонов начал невольно постукивать в такт пальцами по рулю. Наверное, даже хорошо, что завтра он поедет на дачу к Башметову. Можно будет отвлечься, любуясь на его дочку, полную надежд на будущее. Он видел ее уже дважды, когда начальник приглашал своих сотрудников на юбилей и на новоселье, — Петрович любил собирать компанию из тех, с кем работал, он считал, что это

способствует укреплению рабочих отношений. Вероника была веселой и общительной девчушкой с толстой рыжей косой и голубыми глазами. Она почти все время улыбалась и старалась держаться поближе к отцу. Впрочем, за три прошедших с последней встречи года она, конечно, подросла и повзрослела.

Самсонов свернул на аллею и сбросил скорость. Он уже подъезжал к дому, стоявшему в окружении разросшихся кленов. Он решил, что ляжет спать пораньше — чтобы не предаваться грустным мыслям о сестре, которая не дожила даже до окончания школы.

Вторник, 13 июня

На следующее утро Самсонов встал еще до семи, умылся, тщательно побрился и спрыснул туалетной водой с резким, но приятным ароматом — Карининым подарком. Он вообще заметил, что в его жизни появлялось все больше вещей, связанных с ней. И конечно, напоминавших о ней. Наверное, скоро он предложит ей переехать к нему — ведь, кажется, таким должен быть следующий шаг в развитии серьезных отношений. А у них с Кариной все было серьезно. Так чувствовал Самсонов, и это его радовало.

Перед тем как отправиться на кухню готовить завтрак, он взгляделся в запотевшее с нижнего края зеркало. На него смотрело обычное лицо с тяжелой челюстью, твердой линией рта и серыми глазами под двумя прямыми чертами светлых бровей. И что

Карина нашла в нем? Этого Самсонов за четыре месяца, которые прошли с начала их отношений, так и не понял.

Полицейский поджарил яичницу с ветчиной и помидорами, налил себе черный кофе и уселся перед окном. За деревьями серел привычный пейзаж: пыльный город, типовые дома-коробки со слепыми окнами, стаи птиц.

Самсонов старался не думать о том, что видел во сне. Он гнал образы, но они упорно всплывали из памяти, навязчивые и липкие, как паутина.

Он видел кошмары, связанные с гибелью сестры, и раньше, но потом они прекратились, а теперь, похоже, вернулись.

Самсонову снилось, что он находится в темном помещении, где пахнет плесенью и кровью. Наверху — крошечные окошки, забранные решеткой. Стекла в них выбиты, и на прутьях развеваются клочья серой пыли. Какая-то птица размеренно стучит клювом по железной крыше.

Впереди, в освещенном круге, стоит ржавый, похожий на железный куб утилизатор. Из него торчит что-то бледное, угловатое. Самсонов всматривается в эти странные предметы, но они расплываются, словно глаза отказываются признавать реальность. Неведомая сила заставляет Самсонова сделать несколько шагов вперед, и он понимает, что утилизатор покрывает не только ржавчина. Он выпачкан запекшейся кровью, и у его подножия темнеют багровые лужи.

Самсонов наступает на что-то мягкое и влажное. Он наклоняется, чтобы рассмотреть бесформен-

ный бурый кусок, немного похожий на губку. Пытается его поднять, но он выскользывает: пальцы никак не могут ухватить это омерзительное нечто. Самсонову кажется, что это гигантский слизняк, но вдруг он понимает: на полу лежит кусок печени. Самсонов резко выпрямляется, отдергивая руку. Пальцы перемазаны кровью, и он поспешно вытирает их об одежду.

Самсонов идет дальше, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить еще на что-нибудь. Аккуратно обходит серо-синие ошметки, смахивающие на разорванный кишечник, и замечает слева нечто белое. Пахнет фекалиями, и Самсонову приходится сдерживать дыхание, но вонь все равно проникает в легкие, вызывая приступ тошноты.

Белый предмет приковал его внимание, и Самсонов не может удержаться от того, чтобы не подойти ближе. Он садится на корточки и берет двумя пальцами мягкий шарик, который больше не кажется таким уж белым: он испещрен красными прожилками, свисающими с него, подобно вялым мокрым ниткам, а в центре можно различить черно-голубой круг. Самсонов понимает, что держит в руке человеческий глаз, и его тут же выворачивает на покрытый кровью пол. Желудок содрогается, исторгая жижу, резкая и кислая вонь которой добавляется к той, что уже пропитала все вокруг.

Самсонов поднимается на ноги, вытирает рот рукавом и замечает, как из-за железного куба появляется черный силуэт. Он надвигается на Самсонова, и вот уже можно различить в неверном жел-